

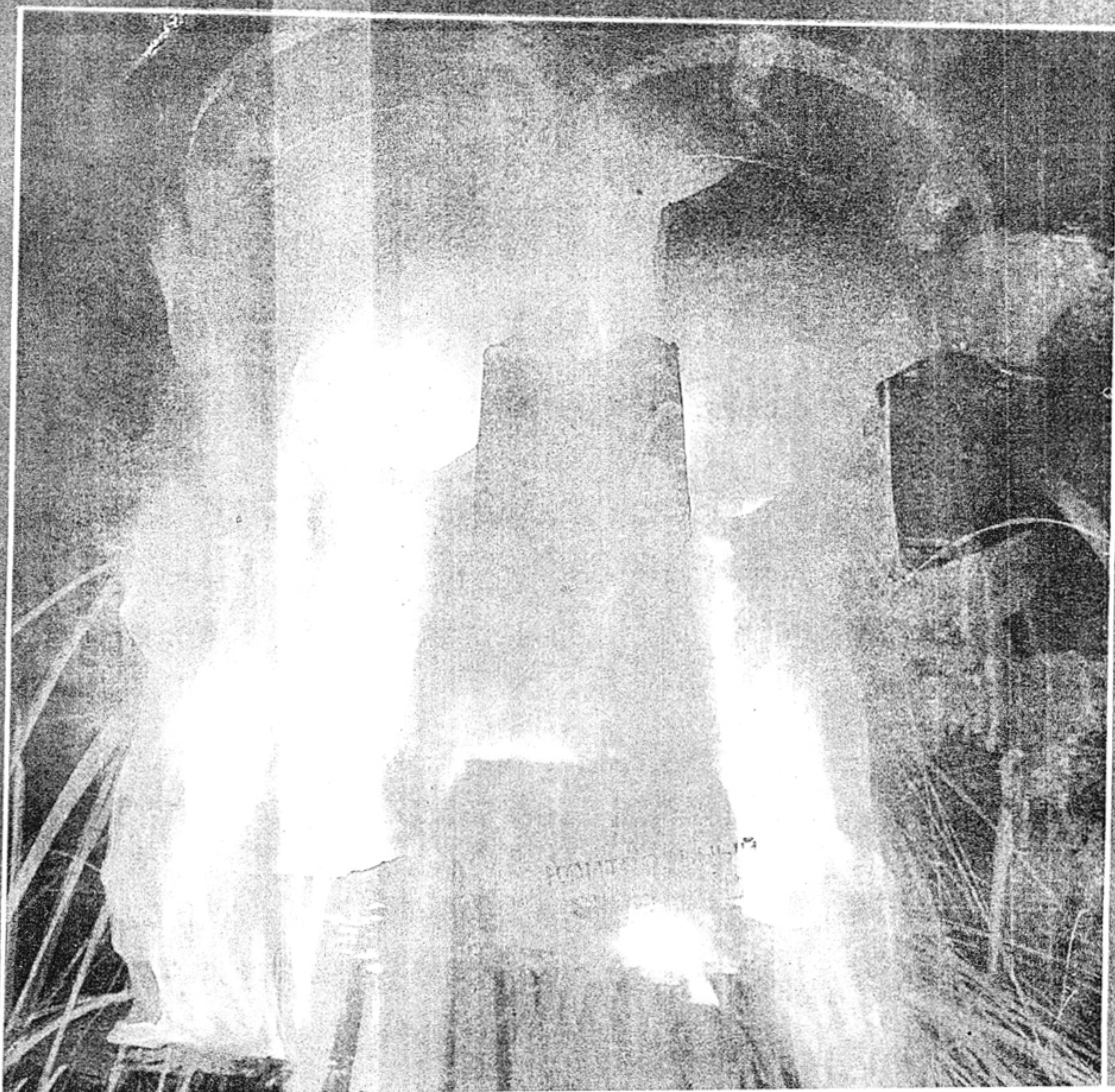
ЗНАНИЕ-СИЛА 4/83

Комплексные технологии.

Новый подход

к использованию природных ресурсов

ISSN 0130-1640

УВИДЕТЬ ДЕНЬ ВЕКА

Д. Лихачев, академик

15 сентября
1068 года

15 сентября 1068 года по нашему летосчислению, или «в год 6576» по летописному — «от сотворения мира».

В Киев только что возвратился после страшного поражения от половцев на Альте (приток Трубежа) князь Изяслав с остатками своего войска. Половцы напали тогда на Русскую землю и разбили в ночном сражении войско, вышедшее им навстречу под предводительством трех князей — Изяслава, Всеволода, Святослава. Рассказ об этом поражении летописец Киево-Печерского монастыря сопроводил большим «Поучением о казнях божиих». В «Поучении» говорится, что когда страна впадает в грех, то «карает бог ее смертью, или голодом, или нашествием язычников, или засухой, или гусеницей (саранчой.— Д. Л.), или иными казнями, чтобы мы оборотились к покаянию». В какой же главный грех впала Русская страна? Главное, по мысли автора «Поучения», — возвращение к язычеству: игрища, вера в приметы, русалии, «а церкви стоят пустые». И мы увидим в дальнейшем, что это обращение к язычеству и языческим обрядам не придумано летописцем. И было оно непосредственно связано с исключительными по своему характеру событиями 15 сентября 1068 года в столице Руси — Киеве.

Что же произошло 15 сентября? Обратимся к рассказу летописца об этом дне, а потом поищем в летописях и «Слове о полку Игореве» объяснений для событий. И летопись, и «Слово о полку Игореве» хорошо помнили о том, что тогда произошло.

Киев в результате поражения на Альте оказался беззащитен. Русское войско было дезорганизовано. Черниговцы с князем Святославом ушли в Чернигов, а киевская часть войска

вернулась в Киев. Но киевляне были полны решимости оборонять Русскую землю. Они собрали вече на торгу, помешавшемся внизу, под горою, на Подоле, и оттуда послали сказать князю: «Вот, половцы рассыпались по всей земле, дай, княже, оружие и коней, мы еще побьемся с ними». Но Изяслав, возможно, опасаясь собственных подданных не меньше, чем половцев, и не дал ни оружия, ни коней. И поднялся ропот среди киевлян на воеводу Коснячка, сообщает летописец. Почему на Коснячка? Может быть, он показал себя трусом в битве, что, кстати, и подтверждается его поведением в Киеве. Когда киевляне всем вечем двинулись на гору, где жила знать, и пришли на двор Коснячки, они не застали воеводу — Коснячка либо бежал, узнав о приближении недовольных, либо вообще решил после поражения скрываться. Тогда толпа киевлян пошла на двор Брючислава Изяславича — полоцкого князя, основавшего полоцкое подворье в Киеве. Мы увидим дальше, что симпатии киевлян к полоцким князьям не были случайностью.

На дворе Брючислава киевляне решили: «Пойдем, освободим друзей своих из поруба». И разделились надвое: одни двинулись к порубу, а другие пошли по Мосту (очевидно, по большой замощенной улице) и пришли на княжий двор. Изяслав в это время держал совет со своею ближней дружиной на сених (сени в те времена служили местом советов и приема гостей). Князь выглянул в оконце, и пришедшие «заспорили с князем», очевидно, настаивая на своем прежнем требовании — выдать им коней и оружие для борьбы с половцами. Старшая дружина, совещавшаяся перед тем с князем Изяславом, стояла подле него. И тогда сказал некий дружинник Туки, которого летописец дважды определяет в разных местах летописи как брата Чудина — какого-то знатного боярина, чей двор летопись даже отмечает в описании Киева как приметное место города. Судя по имени — Чудин, он был из эстов (эстов, эстонцев в древней Руси называли чудью, они играли значительную роль в жизни древней Руси — в Новгороде была Чудинцева улица, а в Киеве — уже упомянутый Чудин двор). Этот Туки сказал Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись, пошли постеречь Всеслава». Что разумел Туки под словом «постеречь»? Может быть, и убить. У Туки были реальные основания беречься Всеслава. Да еще как беречься!

В порубе был заключен Всеслав Полоцкий — князь-чудесник, волком рыскавший по всей Руси и оставивший о себе долгую и тревожную память, что запечатлено и в «Слове о полку Игореве». Недаром Всеслава посадили в Киеве именно в поруб. Недаром! Узника обстраивали сплошными стенами со всех сторон и покрывали бревенчатой крышей. В порубе не было дверей и были очень маленькие окна — только для подачи узникам пищи. (В такой поруб, наполовину вкопанный в землю, шесть веков спустя был заключен другой опасный для власти узник —

протопоп Аввакум в Пустозерске, на дальнем севере России.)

Но если сам узник изнутри не мог освободиться, то освобождение могло прийти извне. В то время, когда шел этот разговор между Туки и князем Изяславом, те киевляне, что пришли на полоцкое подворье, разметали поруб, где был заключен Всеслав. Намерение освободить Всеслава быстро стало известно киевскому князю, и на этот раз уже не один Туки, а вся ближняя дружина сказала Изяславу: «Это плохо; пошли ко Всеславу, пусть, призвав его к концу обманом, пронзят его мечем». И не послушал этого князь, пишет летописец. Почему не послушал? Может быть, в нем заговорила совесть, а может быть, и суеверный ужас?

События одного дня связаны со столетиями прошлого и будущего, а события в Киеве — со всем, что происходило на Руси в целом. Обратимся к событиям предшествующего года и посмотрим, как попал Всеслав Полоцкий в поруб к Изяславу. Летописец рассказывает: «год 6575 (1067). Начал междоусобную войну Всеслав Брючиславич Полоцкий (тот самый, которого освободили затем киевляне.— Д. Л.) и занял Новгород. Трое же ярославичей (потомков Ярослава Мудрого.— Д. Л.) — Изяслав, Святослав, Всеволод, — собрав воинов, пошли на Всеслава в сильную стужу. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же взяли Минск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой как военную добычу, и пошли к Немиге реке, и Всеслав пошел к ним навстречу. Они встретились на Немиге 3 марта; и был снег великий, и войска пошли друг на друга. И был бой жестокий, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод. Всеслав же бежал. Затем 10 июля Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, предложили ему: «Приходи к нам, не сделаем тебе зла». Он же, пожившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав, идя впереди, вел его к себе в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, нарушив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в поруб вместе с двумя его сыновьями».

Возвратимся к событиям 15 сентября 1068 года, 15 сентября — это второй день праздника крестоцелования. Праздника, как считалось, победы над силами зла и в особенности над нарушениями крестоцелований. Возможно, что и Изяслав побоялся второй раз нарушить крестоцелование, да еще на второй день крестоцелования (второй день праздника считался «отдаванием» праздника, и поэтому было особенно важно, как провел его человек).

Киевляне освободили Всеслава из темницы. Они привели его наверх, в княжеский двор, откуда уже бежал Изяслав, «и прославили его среди двора княжеского», пишет летописец. Официальное княжеское «поставление на стол» совершалось обычно в церкви. Князя торжественно вводили в главную церковь

Въ сѣ. ф. ѿ. Приидоша и поимати мѣстѣ. на рѣцѣ коу
землю. половци мнози. и заглава. и сѣслава. и все
воло. и гндоша противъ имъ мѣстѣ. и бѣвшѣ мнози
приидоша. и совокопиша. и гндоша противъ сово
грь рамаши по стѣнѣ пами потапы. и побѣгоша
ростни къ мѣ. и побѣдиша половци.

ша. и мѣчаша ли его в о рѣцѣ на коу мѣстѣ.
и гндоша гнчь на гороу. и гндоша гнчь на коу мѣ
стѣ. и гнчь брътѣше. и гндоша по дворѣ брачнсла
ва. и гнчь шло гнчь высадѣ мѣдрѣ. жымо гнчь
гнчь. и гнчь делѣша мѣдрѣ. половци и гнчь кнѣ
во. и гнчь мѣдрѣ гнчь помостѣ. снѣ гнчь гнчь мѣдрѣ.

княжества и сажали на специальный престол. Неофициальное же, народное избрание совершалось обрядом прославления — пения князю славы.

Итак, Всеслав стал киевским князем по воле киевлян. В основном это были ратники, бежавшие с поля битвы и требовавшие себе теперь оружия и коней для продолжения борьбы. Всеслав, очевидно, и обещал дать их.

Вот как пишет автор «Слова о полку Игореве» о дне 15 сентября 1068 года: «На седьмомъ вѣще Трояни вѣрже Всеславъ жребии о девицу себе любу. Тыи клюками (хитростями.— Д. Л.) подпрѣся о кони и скочи къ граду Къеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго». Девица здесь — образ города «на выдани», доставшегося Всеславу благодаря счастливому случаю, позволившему ему обещать киевлянам коней, в которых отказывал Изяслав. Но при чем тут сельский век Трояня и только ли из-за обещания Всеслава дать киевлянам коней и оружие поставили киевляне Всеслава своим государем?

Здесь надо разобраться в общей обстановке, сложившейся на Руси к 1068 году.

В летописи под 1071 годом приводится целый ряд рассказов о восстаниях под предводительством волхвов. Сообщается довольно подробно о восстании волхвов на Белоозере, затем приводится повествование о посещении новгородцем кудесника и случай с появлением волхва в Новгороде при князе Глебе. Но, как часто бывает в летописи, под датой 1071 года эти рассказы собраны только для того, чтобы дать тут же, в одном месте, поучения против язычества, на самом деле многие из таких случаев языческих восстаний относятся к более раннему времени — к 1068 и 1069 годам. Конец шестидесятых и начало семидесятых годов XI века были временем, когда язычество пыталось вернуть себе утраченные позиции. Следы влияния язычества в Киеве находим в летописи и под 1069, и под 1071 годами. Под 1071 годом приводится пророчество языческого волхва, стремившегося возмутить киевлян, и сходное проречение есть под 1069 годом.

В этом охватившем всю Русь языческом движении особая роль принадлежала Полоцку. Княжеская ветвь Полоцка враждовала с потомками Ярослава Мудрого, правившими во всей остальной Руси. Полоцк оставался прибежищем язычества, и недаром летописец пишет под 1092 годом о бесах, являвшихся днем именно в Полоцке. Эти бесы, сообщает летописец, явились всему населению Полоцка в виде мертвецов, скакавших на конях.

Сам Всеслав был князем-кудесником, князем-оборотнем, родившимся при необыкновенных обстоятельствах, волком рыскавшим со сказочной быстротой по Руси, носившим на шее волшебный талисман. Не случайно автор «Слова о полку Игореве» пишет о нем как о кудеснике, способном за одну ночь («до кур», то есть до пения петухов) доскакать до далекой Тмутарака-

ни, слышавшем, находясь в Киеве, колокольный звон Софии Полоцкой. Он не побоялся, заняв Новгород, дочиста ограбить храм Софии. «И паникадила снимал», — пишет о нем летописец. Захватил он в Новгороде и крест Владимира Святославича — крестителя Руси, что отчасти было даже символично.

Вот эта-то вспышка язычества и позволила автору «Слова о полку Игореве» говорить, что Всеслав появился в Киеве на «последок» языческих времен, на последнем («седьмом») веке языческого бога Трояня, неоднократно упоминаемого в различных древнерусских «поучениях» против язычества.

Киевляне, таким образом, провозгласили своим государем князя, близкого к язычеству, имевшего репутацию кудесника, волхва, владыки полуязыческого Полоцкого княжества. И ставили Всеслава князем по-старозаветному — не в церкви, а пением ему славы, величанием на княжеском дворе.

Характерно и то, что столетием позже автор «Слова о полку Игореве», имевший явные поэтические симпатии к язычеству, уделяет особое внимание именно Всеславу. Автор «Слова» был, несомненно, христианин, но христианин с наклонностями к двоеверию.

Киево-печерской монаш-летописец, имевший свои основания быть недовольным князем Изяславом, тоже сочувствует Всеславу и приписывает чуду его вокняжение — им Всеслав обязан кресту, целование на котором нарушил Изяслав. Летописец Киево-Печерского монастыря вкладывает даже в уста Всеславу молитву с вохвалением креста: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой ямы (погребя)».

Всеслав сидел на киевском столе недолго — семь месяцев. Затем двинулся на него Изяслав с польским королем Болеславом. Всеслав выступил против врагов с войском, но у Белгорода ночью бежал в Полоцк («обесися сине мъгле», — говорит автор «Слова о полку Игореве», то есть скрывшись в синей мгле ночи).

Киевляне же, увидев себя покинутыми, вернулись в Киев и, собрав вече, пригласили на стол Изяслава. Изяслав пришел в Киев, но прежде в город вошел его сын Мстислав, который перебил семьдесят киевлян, освободивших Всеслава из темницы, иных ослепил (так поступали с изменниками) и многих убил безвинно, без расследования.

Есть основания думать, что князь-кудесник русских былин Волх Всеславич имел своим прототипом именно Всеслава Полоцкого. Он поразил воображение современников, его вспоминает через сто лет творец «Слова о полку Игореве», и через многие уже сотни лет его продолжают вспоминать былины. День 15 сентября 1068 года — вершина беспокойной и смелой жизни Всеслава. Князь-оборотень, князь-волхв только причудился киевлянам своим князем, князем народным, хотя бы по своим связям с язычеством. По существу же семимесячное пребывание

Всеслава на киевском золотом столе ничем приметным ознаменовано не было, разве только своею фантастичностью. И в то же время как характерны связанные с вокняжением Всеслава события для того беспокойного времени!

Миниатюры из Радзивилловской летописи. Слева — князь Всеслав в лодке, рядом — тюрьма; в центре — киевляне приходят на княжий двор; справа — Всеслава вырубают из тюрьмы топорами.

Аѣд коракнѣа. и дворѣкнѣа разграбнша. и стн
сленоѣмножествозлатнайсребракоумамни вѣлью
и вславъ же вѣжа влхъи.

Посе мже поло вѣемъ бою ю цн со земан роу стпѣн. сѣтѣ
вславѣ сошѣ вчѣмн то кѣт. и поло цѣ вѣю ю цѣ вѣколо